

Посвящаю эту книжку моему другу Ренату, без которого труд «Водка как нечто большее» ни за что не появился бы. Дело в том, что мой друг всю свою осмысленную жизнь занимается производством водки. Именно он показал мне лаборатории, достойные академии наук, в которых водочные мастера трудятся над сложной и тонкой рецептурой водки. Он познакомил меня с этими мастерами. Он посвятил меня в тайны производства не только самой водки, но и водочной бутылки. Он открыл мне массу секретов и глубин своего дела. Всё это меня так впечатлило, что я не мог остаться в долгу.

В течение десяти лет я писал заметки, коротенькие эссе и литературные наблюдения, посвящённые водке... Писал и дарил их своему другу, чтобы поддержать и порадовать его в столь непростом деле. Из этих отрывков сложилась книжка, которую вы держите в руках. Эти отрывки прошли тщательнейшую обработку прежде, чем оказаться в данной книжке, чтобы стать чистой и прозрачной литературой.

РАБОТА I ВОДКА КАК ЛИЧНАЯ НАУКА

В КАЧЕСТВЕ ВСТУПЛЕНИЯ

Помню, однажды один корсиканец пытался научить меня пить пастис. Я отказывался, говорил, что не могу пить ничего анисового. Он же утверждал, что я просто не умею его пить, потому что ни разу не пил его так, как пьют его на Корсике. А у меня даже от запаха этого знаменитого напитка все волосы на теле становились дыбом. Но он настаивал. Я согласился попробовать. Он обрадовался, притащил бутылку пастиса, нужные стаканы, воду и лёд. Он всё, как положено, смешал, добавил льда. От соединения с водой и со льдом пастис моментально побелел. Корсиканец долго позвякивал льдинками, помешивая разбавленный водой пастис. Потом попробовал, удовлетворённо кивнул и облизал губы. Мы выпили. Волосы, разумеется, на моём теле встали дыбом. И даже не только встали, но и выпрямились. Я с трудом, и собрав всё своё мужество,

допил предложенное, но гримасу скрыть не смог. Он был разочарован мною и сказал: «Водку-то ты пьёшь и не кривисься, а она-то куда противнее». Тут стало обидно мне. И я спросил его, как он пьёт водку. Он ответил, что старается её никогда не пить, но если пьёт, то пытается проглотить её как можно быстрее, так как вкус у водки уж больно ужасный. Однако быстрому её проглатыванию мешает лёд, плавающий в стакане.

Тогда я понял, что водка — это сугубо наш напиток, я бы даже уточнил, ЛИЧНО наш.

Мы много раз видели в кино, как герои американских фильмов берут бутылку водки, причём не из холодильника, а просто со стола или из бара, берут и пьют её, родимую, тёплую, из горлышка маленькими глотками. У меня такие кадры всегда вызывали и вызывают рвотный рефлекс.

Сколько раз персонажи иностранного кино, какие-нибудь частные детективы, бесстрашные полицейские или одинокие полуковбои, обязательно сильно пьющие и лихие, просыпаются на экране в состоянии страшного похмелья! Гримёры сделали им убедительный грим: взъерошили волосы, сделали красными глаза, придали опухлость

и одутловатость лицам и даже высушили и потрескали им губы. Актёры натурально играют мучительное пробуждение, кричат, медленно двигаются, берутся рукой за голову... Мы, зрители, смотрим и верим, сочувствуем, сопереживаем.

Но вот такой персонаж на экране находит на полу возле кровати или на заставленном чем ни попадя столе, среди окурков, объедков и пустой посуды недопитую бутылку водки... Он берёт её и без всякого душевного и физического содрогания, без борьбы с собой, без нечеловеческого усилия пьёт из горлышка...

В этот миг вся вера актёру и фильму на одной шестой части мировой суши сразу исчезает! Улетучивается! Потому что наши люди знают жизнь! И их знание говорит им, что так не бывает... Что так пить тёплую водку из горла в том состоянии, которое играет иностранный актёр, невозможно, что пьёт актёр на экране воду..

А ещё всякий наш человек прекрасно знает, что недопитой водки не может остаться ни возле кровати, ни на столе, ни в холодильнике, ни в каком-либо потаённом месте жилища, в котором происходила накануне пьянка.

Уверен, что немцам не нравится, как их изображают в фильмах разных стран. В настоящих немецких филь-

мах немецкие актёры и актрисы не ходят с прямыми как палка спинами, не говорят, как лающие служебные собаки, и не сжимают непрерывно губы, изображая брезгливость и высокомерие. Так выглядят немцы во всех американских, французских, английских и часто в наших фильмах про войну, и не только про войну. Французам смешны американские и наши киномушкетёры. Американцы наверняка бы удивились тому, как изображают ковбоев во всём мировом кинематографе за пределами Соединённых Штатов. Удивились, если бы увидели неамериканское кино про Америку. Наверняка посмеялись бы...

Мы не устаём удивляться тому, как примитивно и убого изображают русских в любом иностранном кино, даже когда нас не стремятся показать злодеями и дураками. Всё равно у всех получается нелепо. Никакой француз, англичанин, немец и тем более американец не может правильно надеть на голову шапку-ушанку... Как ни один наш актёр не может небрежно повязать хитрым узлом шарф, играя французом, или правильно нацепить шляпу, как итальянский мафиози. Ни у кого ничего не получается.

Зато пить что угодно из всего мирового алкогольного репертуара мы все научились неплохо... Американцы уже умеют прекрасно делать вино и пить его из правильных

бокалов, в правильной обстановке и с нужной едой. Они разбираются в дорогом коньяке и старом шотландском виски. Чёрные американские рэперы, увешанные золотыми цепями, разбираются во французском шампанском и предпочитают «Кристалл» как самое лучшее и дорогое. Они не хлещут его из стаканов, а пьют из специальной посуды... Французы успешно освоили текилу и ром, знают многие коктейли на основе этих напитков. Мартини и Чинзано пьют по всей Юго-Восточной Азии. Немцы помимо своего пива и шнапса пьют всё что угодно, даже японское sake...

И только водку не умеют пить нигде и никто, кроме нас! Пить, как надо, как должно и как задумано теми, кто её создал... То есть нами.

Из разнообразных источников мы знаем, что европейцы и американцы считают водку самым крепким, тяжёлым и почти невозможным для употребления напитком, что водка имеет убийственную силу и что она так же непонятна, как всё русское.

Они опасаются пить водку, а часто попросту боятся её. Боятся сделать даже небольшой глоток или пригубить, будто от этого они мгновенно опьянеют до беспамят-

ства, околеют, взорвутся или поразит их молния. К водке в чистом виде они относятся как к кислоте или нитроглицерину.

С каким неподдельным удивлением, с гримасой восторга и страха, с какой глядят в цирке на исполнение смертельного номера, наблюдают иностранцы за тем, как русские люди легко запрокидывают рюмку чистой водки и выпивают её до дна... Видят они в этом нашем умении так пить водку некую таинственную национальную особенность, лихость и особую природную силу... Дикость в этом они тоже видят... Но в их удивлении всегда присутствует зависть и желание попробовать сделать так же. Но осторожность, опаска, да и простой страх удерживают их от опрометчивой попытки повторить этот трюк за нами. Только самые смелые и самые уверенные, не лишённые остатков авантюризма и природного любопытства решаются на выпивание водки по-русски... Чаще всего такое безрассудство приводит к плачевным последствиям и убивает всякое желание когда-нибудь сей опыт повторить.

Почему? Да потому что к водке нельзя относиться, как к просто одному из крепких напитков, которые употребляют просто для получения опьянения... Водка — это особая наука, это часть неповторимого образа жизни

СОДЕРЖАНИЕ

Работа I. Водка как личная наука (<i>В качестве вступления</i>)	5
Работа II. Водка и коллективная память	32
Работа III. Водка и география	47
Работа IV. Водка как нечто большее	68